

ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «СЛУЧАЙНОСТЬ» И «СПОНТАННОСТЬ» В НАУЧНО-ЕСТЕСТВЕННОМ И ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСАХ И В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Рассматриваются общие методологические проблемы современного научного познания, его онтологические, гносеологические, логические и аксиологические основания в свете кризиса современного общества и с приложением к сфере архитектурного дискурса. Критической основой выстраиваемой логики становятся современные открытия в точных науках, их сдвиг в сторону субъективных и интерсубъективных значений, т. е. гуманитарного измерения, а также идеология постнаучная ситуация, находится в точке выбора дальнейшего вектора развития и приближается к точке бифуркации, что является ответственным выбором в свете угроз самому выживанию цивилизации. Прежде всего критике подвергается монологичность современных профессиональных архитектурных методов и ценностей, фундаментализм в модернистской парадигме – фетишизацию прямоугольной эстетики, игнорирование сложившихся, уже присущих среде ценностей, ассоциативную бедность, предпочтение возможностей только избранных кодов как следствие социально-утопического содержания, отказ от телесной метафоры, игнорирование телесного и бессознательного опыта при производстве и переживании архитектуры, мифологизацию рынка как основного обряда современности. Эти основания являются причиной трех основных проблем современной архитектуры: 1) ее анонимно-универсального характера (отсутствия идентичности, тайны, неопределенности); 2) репрессирования необходимого противоположного полюса; 3) дегуманизации (вытеснения человека и всего человеческого – глубинных, субъективных, поэтических значений). Залогом новой идеологии может стать категория случайности, признаваемая на сегодняшний момент равноправной категории закономерности, и понятой как новая система ценностей. Она опирается на необходимость смены классического типа рациональности, прогрессистского дискурса (с его детерминизмом, фундаментализмом, дуализмом, функционализмом, количественным подходом, и предпочтительной парадигмой) и реабилитации всех репрессированных значений культуры, а также возвращение в дискурс и практику субъект-субъектных отношений. Дается широкая экспликация категории «спонтанность». Эта модель способна снять напряжение внутри всех типов противоречий, приведших общество к границе гибели, а архитектуру к обезличенному характеру. Выдвигается гипотеза так называемого «спонтанного метода».

Ключевые слова: случайность, спонтанность, постмодернизм, реабилитация репрессированных значений, субъект, постнеклассические науки, монологизм, диалогизм, альтернативная методология.

Спонтанность как базовая научная категория

На сегодняшний день существование, как в масштабе отдельного человека, так и человечества в целом, отражает катастрофичный характер эпохи, нередко называемой концом истории, неопределенность и неуверенность стали естественным фоном жизни. Сложность всех доступных современному опыту систем достигла такого уровня, что прежние способы описания и управления теряют эффективность. Симметрично усложняющейся эмпирике происходит поиск новых научных и художественных языков, отражающих и одновременно создающих новую картину мира. Классическая наука, долгое время находившаяся в рамках картезианской парадигмы, осуществлявшая поиск окончательных решений через установление линейных причинно-следственных связей, сегодня пасует перед объяснением очевидных

явлений. Сталкиваясь с изучением сложных, иррегулярных систем и микромира, она породила вероятностно-статистические методы и пользуется такими категориями как хаос, нелинейность, алеаторика, стохастика. В научных сферах обсуждаются Теория Сложности, Теория катастроф и Теория Хаоса. Научные журналы рядом со статьями, посвященными вопросам квантовой физики, публикуют материалы с анализом движения прыгающего по столу шара, поскольку этот процесс на самом деле является столь же непредсказуемым, как поведение сверхсложных систем. Все эти категории – частные случаи более общей философской категории – случайности, которая вместе со своим коррелятом – необходимостью являются основными онтологическими («Метаконтекст случая – весь мир»), гносеологическими, логическими («Истинная логика нашего мира – подсчет вероятностей», – Максвелл), методоло-

гическими и мировоззренческими категориями. Еще Эпикур выдвинул идею о том, что случай является конструирующим началом вселенной («clinamen» – спонтанное, самопроизвольное отклонение атома от траектории – вызывает его столкновение с другими атомами и рождает многообразие материального мира). Универсальность случайности проявляется в том, что номологическая основа мира (система законов) никогда не заявляет о себе в чистом виде: материальные системы связаны друг с другом посредством многообразных вложений и пересечений. Случайность выражает собой изменчивость бытия и является инициирующим фактором эволюции. Но самое главное, что познание и действие в контексте случайности предполагает выявление субъект-субъектных отношений, т. е. включение человека в сам предмет науки, в ее мировоззренческие основы. Классическая физика исходила из того, что сам процесс исследования никак не влияет на его результат. Естествоиспытатель находился в положении «стороннего наблюдателя». Квантовая физика утверждает, что процесс наблюдения изменяет объект наблюдения.

Представление о мире как о непрерывном тексте и сочетании случайностей

Параллельно в постмодернистской философии, ужаснувшейся перед разрушительной властью «истинных» идей и вынужденной обратиться к «постметафизическому мышлению», рождается концепция дискурса и текстуальности: вместо рационально-логической процедуры «скромного чтения», т. е. расшифровки имманентного миру смысла, предлагается увидеть нонсенс как открытую возможность смысла, рождаемого читающим во время процесса чтения. Как открытая система трактуются и субъект-субъектные отношения, когда вместо коммуникации, основанной на конвенциях и обусловленной необходимым результирующим пониманием, возникает самооценочность процессуальных языковых игр, в которых феномен Я теряет свою определенность. Дискурс обладает нелинейной природой и описывается как обладающий рядом презумпций – креативного потенциала, презумпцией заложенности в нем тенденции ветвления смысла, презумпцией имманентной неподчиненности дискурса при-

нудительной внешней каузальности. Дискурс принципиально случаен, т. е. креативен и не несет событийное начало (подлинную новизну мысли), если не ограничен фигурами комментатора и автора, характерными для классической культуры. Фуко рассматривает «событие» как случайную флуктуацию в поле дискурса и вводит базисные понятийные структуры новой дискурсивной аналитики: неподвижная случайность, прерывность, зависимость, трансформация, причем первая является категорией, снимающей обязательность установления связей механической причинности или идеальной необходимости. Признавая, что в основании мысли лежат случай, прерывистость и материальность, Фуко осознает необходимость такой гуманитарной теории, которая позволяла бы мыслить отношения между мыслью и случаем. Универсально используемая постмодернистскими авторами метафора игры также несет смысловую нагрузку введения в содержание теории идеи случайной флуктуации. Мир предстал, по словам Э. Ионеско, «за пределами истолкования и произвольной причинности» [1]. Ролан Барт, последовательно проводя идею нелинейности, фиксирует применительно к тексту то обстоятельство, что возможные семантические версии его прочтения (варианты означивания) как «игра письма» являются принципиально непредсказуемыми, т. е., по Р. Барту, «текст не следует понимать как нечто исчислимое» [2]. Текст (мир) в постмодернизме мыслится как плюральная и подвижная семантическая среда, открытая для бесконечного числа интерпретаций. Предметность реализует себя как аструктурная ризома, каждое плато которой может быть прочитано – для того, чтобы в тот же момент рассыпаться, сменившись новым. Аналогичен концепт «тела без органов» в методологии постмодернизма: не структурно дифференцированный организм как стабильная система, но моделирующая хаос целостность как «постоянно созидаящая себя среда», оформляющая те или иные органы в соответствии с ритмами внешних импульсов.

Постмодернистское восприятие мира

Основой постмодернистского восприятия мира, таким образом, становится так называемая постмодернистская чувствительность – восприятие мира как хаотического, среди бесконеч-

ных осколков различных событий и явлений, не связанных единой мифологемой. На смену идеологии «порядка вещей» приходит идеология «беспорядка и разлада». Это порождает необратимую плюралистичность, «еретичный дискурс» (неканонические стратегии дискурсивных практик) и берет свое начало в неопределенности, фундированном как в естественных науках (синергетика), так и в философии. На место онтологической гарантированности смысла классической философии приходит, по словам Делеза, «проблематический статус мира смыслов» [2]. Смысл и нонсенс приобретают равноправный статус, поскольку классический идеал необходимости, царящей в упорядоченной вселенной, сменяется идеалом царящей случайности нелинейного мира. В такой плюралистической вселенной, отказавшейся от идеи детерминизма, т. е. обусловленности внешней причиной, центральной философской проблемой становится проблема новизны как источника подлинной множественности и наоборот – проблема множественности как условия подлинной новизны. Подлинная новизна достигается способом трансгрессии, т. е. революционным прорывом в принципиально новое (т. е. не обусловленное наличным состоянием системы) качество. Поскольку это качество действительно является новым, то естественным «модусом существования человека» является «незнание» и «замешательство слова», т. е. трудности в поиске адекватных языковых средств для выражения этого нового. По мнению Фуко, «трансгрессивному еще только предстоит найти язык», который, как он полагает, возможно обрести в результате внутриязыковой трансгрессии, т. е. в выходе языка за собственные пределы, и этот опыт для нашей культуры может оказаться таким же решающим, каким в свое время было открытие диалектики [3].

Таким образом, история, язык, мышление, человек теперь воспринимаются, по словам Бодрийяра, как алеаторные (фрактальные, катастрофические) явления, а «мир становится миром радикальной неопределенности» [4, С.33-36]. И поскольку «история», «свобода» и «случайность» становятся синонимами, то человеку ничего не остается как занять позицию ироника, признающего принципиальную случайность его собственного языка, нравствен-

ного сознания и культурной идентичности. Ностальгия по метафизике, многими оцениваемая как конец истории и человека, для других оборачивается демократизацией искусства и философии – игра, удовольствие, творчество становятся новыми массовыми ценностями, а постмодернистская всеядность, «смещение всего со всем» воспринимаются как богатое поле для ассоциативного мышления и предоставляют возможности для поисков новых, авторских языков переописания истории и собственной жизни (интерпретирующее мышление). По Михаилу Эпштейну, философия стоит на пороге открытия новых методов, новой философии – философии возможного, философии сослагательного наклонения, «великого и опасного «может быть»». Философия, освобожденная от объяснительного функционирования, наконец-то, по Эпштейну, может заняться своим прямым делом – «открытием и умножением миров возможного» [5].

Представляется, что интеграция этих широких методологических возможностей в архитектурный дискурс является актуальной.

Архитектура, активно осваивая современную научную парадигму, выдвинутую философией и физикой, разрабатывает кардинально новые методы и подходы, заново пересматривая классические представления о форме, функции, конструкции, способах осуществления проектного процесса. Так, например, прежние эстетические установки, ориентированные на упорядоченность, очевидность, аналитичность, постижимость, иерархичность, простоту и исчисляемость, теряют аксиоматичный характер. Перечень картин, образов, жестов, состояний (обозначаемые как «случаи пограничной легальности»), которые попадают в сферу профессиональной рефлексии и в которых отсутствует общепринятая идея порядка, иначе – ордерности (от латинского “order” – порядок), становится все длиннее. Архитектура изо всех сил хочет обрести сложность – сначала в постмодернистской концепции «трудного целого», затем в деконструктивистских принципах сложности и разорванности и затем в особом типе сверхсложных структур в архитектуре 1990-х [6]. Исследования посвящаются примитивному искусству, народной архитектуре, анонимному, маргинальному. Категория «время» становится

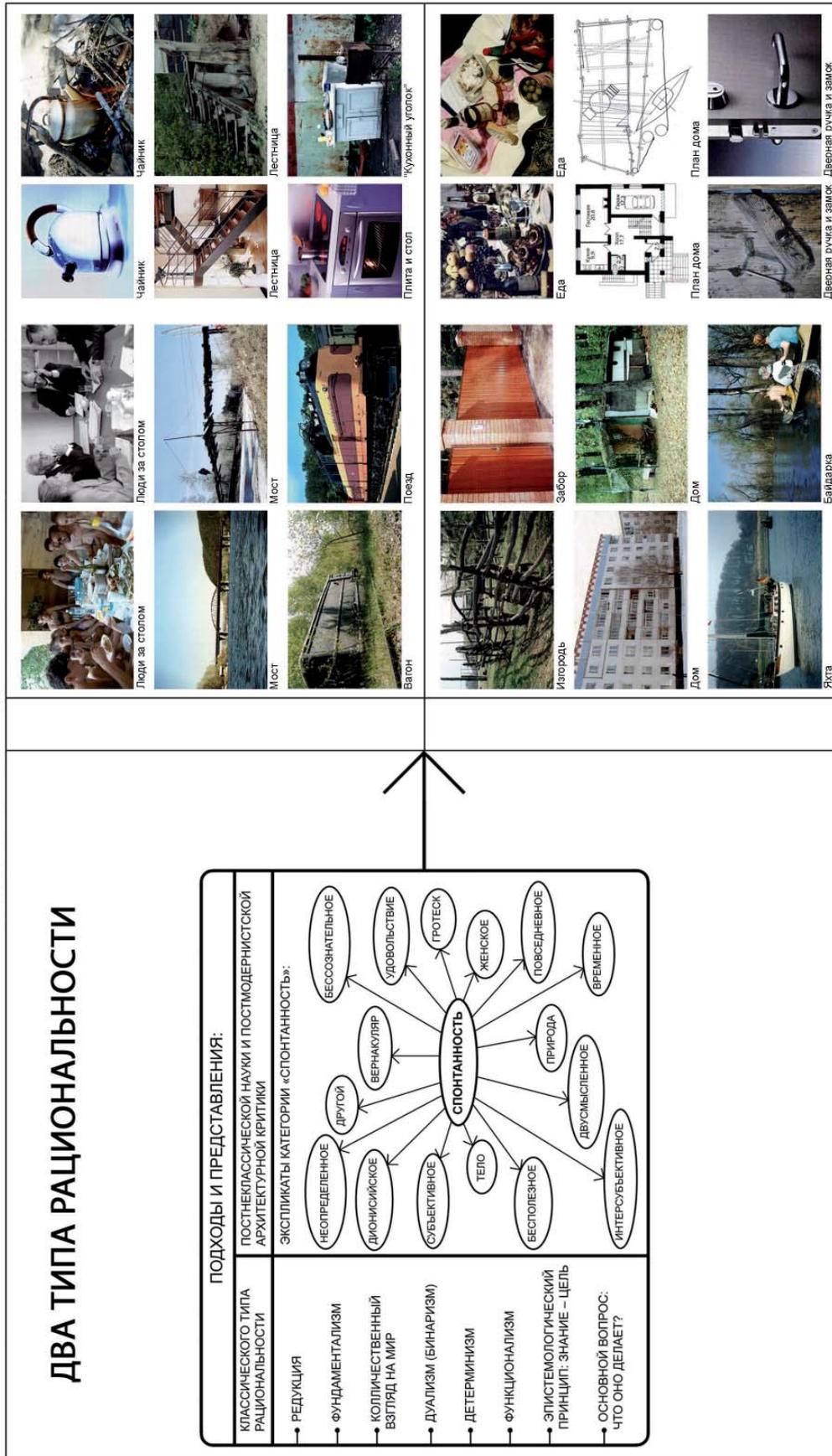

Рисунок 1. Архитектура перед лицом новой научной парадигмы. Проявление интереса к спонтанности

полноправным участником процесса – хрупкая, непостоянная архитектура, не оставляющая следа, предлагается как реальная альтернатива. Однако, есть подозрение, что большинство из этих методов сориентированы на внешний поиск сложности, т. е. ее формальную имитацию.

Кроме того, внешними, очевидными предпосылками интереса к выяснению роли спонтанности в архитектуре и в целом в постмодернистской культуре можно назвать существование следующих явлений: интерес в профессиональных практиках к китчу и попкультуре, «найденный объект» дадаизма, «реальность как она есть» Нового Брутализма, вернакуляр и новый вернакуляр, партисипация в архитектуре, повседневное как объект «арте-повера», «архитектура без архитекторов» (Рудофски), метод свободных ассоциаций, креативного бинорма, автоматического письма, фьюмажа, фроттажа и т. д. в сюрреализме, интерес к анонимному и маргинальному, по словам критика, «лишенных отцовства, а следовательно, авторского эго и вследствие этого способных выразить ценности инстинкта, каприза и экстаза».

Причины кризиса в архитектуре.

Десакрализация метода

Чтобы понять причины кризиса в архитектуре, обратимся к более широкому контексту современных мировоззренческих проблем, культурного тупика, в котором оказалась цивилизация. По мнению Ю. Н. Тарасова, «несмотря на осознание сложности, трагичности нависших над человечеством глобальных проблем, будущее в техногенной культуре и науке связывается с ростом научно-технических новаций» [7]. Это техногенное мировоззрение опирается на картезианский дуалистический подход, который разделил мир на оппозиции, предпочтя одну часть оппозиции и репрессировав другую половину, перенеся принципы классического научного механицизма на все формы культуры. Вытесненная часть, все глубинные, субъективные измерения, сфера сознания, и сам человек, не подчиняющиеся примитивной атрибуции классической науки, лишили современность качеств, глубинного, субъективного и интересубъективного измерения, «вкуса», а самое главное – содержания, что привело современную культуру к экзистенциальному кризису. По выражению

Макса Вебера, «мир лишился очарования» [8]. Прогресс породил собственность, назвал цену и исчислил то, что в принципе является бесценным, неисчислимым и всеобщим – землю, природные ресурсы, человеческий труд. Эта де-сакрализация через превращение культуры дара в цивилизацию товара и попутная отмена вертикали субъективных значений превратили мир современности в мир поверхности, «одномерного человека» (Маркузе), наркотической радости потребления, аддитивных операций, технологического оптимизма.

Но на сегодняшний момент мир попадает в зреющую постнаучную ситуацию, в точку бифуркации, в которой, как известно, ветвятся направления возможного развития. Вопрос в том, какое направление выберет западная цивилизация – снова в сторону изощрения технических инноваций и, по сути, в сторону усугубления классического детерминизма, называемого Уилбером «миром поверхности», «флатландией» [8], обрекающего культуру, другие типы сознания и бытия на новые репрессии; или на принятие равноправия различных моделей реальности и способов быть. Вопрос не в том, насколько будет совершенствоваться комфорт потребительского общества, а насколько смогут быть разрешены противоречия между непримиримыми полюсами – «золотым миллиардом» и третьим миром, глобализацией и местной идентичностью, между сознанием и бессознательным, между гуманитарными и точными науками, между философией и повседневностью, между мужским и женским, между «Я» и «Другим», между культурой и природой. А самое главное – насколько будет заполнена экзистенциальная пустота, т. е. насколько будет возможен вертикальный (ценностный) сдвиг культурной и социальной реальностей. Очевидно, что для решения этих принципиальных вопросов нужны совершенно иные основания, которые могут быть обнаружены только с помощью фазового мировоззренческого перехода, который бы вооружил общество новыми методологиями, способами постановки вопросов. Это, например, предлагает сделать эпистемическая наука, пришедшая на смену объективной науке – область знаний, в которой способ постановки вопросов становится составной частью научных теорий. Вопросы задаются по основам: каков порождающий ме-

ханизм знания, что представляют собой исследовательские средства, предпосылки, приемы, ценностные установки, влияющие на процедуру познавательной деятельности? Но не стоит забывать, что кроме научных способов постановки и решения проблем, тем более в архитектуре, существуют еще и другие, исключенные современной парадигмой. Как пишет Бодрийяр: «Другие культуры, другие метафизики, вероятно, испытывают гораздо меньше потрясений от данной трансформации, ибо для них не были характерны стремление, жажда, мечта обладать миром, исследовать его, чтобы господствовать над ним. Мы же, наоборот, всегда оставались пленниками навязчивой идеи контроля за совокупностью оснований вселенной, и потому – что очевидно – именно наша система и находится на пути к катастрофе» [9].

Прогрессистская тенденция современной культуры

Однако по инерции современная культура ищет основания в новой научной парадигме. Та действительно шокирующе противоречит предыдущим воззрениям (Капра). Но не все философы и культурологи оптимистичны и по этому поводу, поскольку несмотря на то, что открытия квантовой физики полностью переворачивают классическое сознание, включая поразительное сближение качеств и принципов существования человеческой психики и законов субатомного мира, – общее направление этой науки, включая системные методы и синергетику, носит все тот же, по выражению Уилбера, характер «поверхности», «тонкого редуционизма», поскольку представляют мир хотя как и очень сложную, и склонную к самоорганизации сеть тотально связанных объектов, все еще видят его как объективный, предзаданный, независящий от субъективных измерений сознания, доступный внешнему наблюдению и репрезентации. Егоров в «Философии открытого мира» также называет эти подходы субстанциональными, монологичными [10]. Как пишет Кен Уилбер: «Таким образом, если вы начинаете рассматривать весь мир как объект – холистический – или какой-то другой – вы полностью лишаете его ценностей. Вы лишаете космос качеств. И когда вы с этим закончили, вы делаете паузу, чтобы осмотреться, и понимаете, к величайшему ужасу, что стоите по-

среди плоской и увядшей Вселенной, без смысла, глубины, интерпретации, красоты, совершенства, достоинства, в которой нет ничего возвышенного. Только совокупность холистических «это» в функциональном соответствии» [7].

Все это говорит в пользу того, что даже самые свежие научные идеи подвергаются критике, концепции реальности постоянно прогрессируют, и прямой перенос научных доктрин на какую бы то ни было сферу деятельности, включая проектирование, не кажется уже более предписательным. Как и предсказывал Ницше, научный разум терпит крах в управлении социальной и индивидуальной реальностями – он уступает место интуиции, воле и спонтанности дионисийского начала.

Классическая наука, которая включает в себя три аспекта: деятельность, систему научных знаний и социальный институт, воплощает собой фундаментальное, верифицируемое и строгое. Но все три аспекта содержат массу случайных факторов, погрешностей, шумов, самым главным из которых является субъект познания – человек. На протяжении всей истории развития науки ученые боролись с этими случайностями для того, чтобы осуществить поиски «объективной» истины, которая предъявлялась и до сих пор предъявляется как «очищенный», идеальный продукт. Поразительным образом от них ускользал факт естественности, т. е. включенности в целое и, следовательно, значимости, всех этих «побочных» явлений. Но возможно ли человека включить в этот список плохо контролируемых, а значит, необходимых к исключению факторов? – просто не понятно, где это исключенное пространство, куда ссылают все нежелательное, все упрямо противостоящее магистральным направлениям. Архитектурный критик Диана Агрест уверенно отвечает – на костер, в сумасшедший дом, под замок [11]. Фрейд бы сказал – в подсознание, а радикально настроенный политик традиционалистского толка обострил бы массовый аспект – в камеру смертников, где ожидает казни серийный маньяк, в пыточную, т. е. в места, материализующие ад коллективного бессознательного, сформированного из вытесненных, не интегрированных сознанием, отвергнутых частей целого.

Предпочтение лежит в основе любой репрессии. Но как становится ясно из квантовых теорий, противоположности – это лишь абстрактные понятия из области мышления, порождения нашего измеряющего и классифицирующего сознания, что обуславливает их относительный характер. Противопоставление возникает в тот самый момент, когда мы сосредоточиваем внимание на любом единичном. Однако привычный нам, глубоко функционалистский взгляд, рассматривающий мир как независимый от контекста и наблюдателя, – трудное измерение, потому что при такой постановке вопроса сложно выделить объект и, соответственно, инструменты для его описания, поскольку объект становится имплицитным свойством субъекта, проще говоря, между ними исчезает граница. То есть такая работа попадает в зону риска и неопределенности и вообще с трудом идентифицируется как работа, а скорее как мистический интроспективный опыт.

Но самое главное, что прогрессистская концепция не продвинула цивилизацию в сторону решения фундаментальных вопросов, более того, привела ее к краю гибели. И поскольку проектирование лежит в самой гуще современного сознания, сориентированного на конструирование будущего, необходимо понять специфику этой современности. Успехи технического прогресса, порожденные стремительным развитием позитивистской науки последних трех столетий, поразительно изменили жизнь планеты и человечества, которое в свою очередь поспешило присоединить к техническому социальный и культурный прогресс. Ошибка состояла именно в последней операции – переносе методов техники и точных наук на всю гуманитарную сферу. Был нарушен главный принцип: метод аналог предмета. Тот примитивный, неживой материал, который подвергался преобразованию в ходе триумфального шествия техники, не имеет ничего общего ни с человеком, ни с живой природой. Как говорит архитектурный критик Диана Агрест, «где-то там каждая культура имеет зону воображения, которую она исключает, и именно это та область, которую мы должны сегодня вспомнить» [11].

Итак, мы выяснили, что принципиальными проблемами как общего культурного контекста, так и архитектурной проблематики в частно-

сти, является наследие картезианского научного дуализма с его монологическим взглядом на действительность, отрицающим мышление оппозициями и исключаящим необходимый противоположный полюс любых значений культуры. Однако новый тип неклассического и постнеклассического сознания, созревший, как это ни парадоксально, в точных и естественных науках, стоявших у истока прогресса и столкнувшихся с необъяснимыми свойствами современной реальности, вынужден был обратиться к альтернативным типам рациональности.

В архитектуре прогрессистское сознание нашло отражение в модернистской архитектуре и во всех видах интерпретации классической традиции, начиная с эпохи Нового времени. Их чертами, воплощающими позитивистскую утопию, были рациональная ясность формы, универсальность языка, игнорирующего местные различия, подавление полисенсорной и телесной природы архитектуры в пользу ее зрительных свойств, предпочтение категорий порядка, простоты, новизны, функциональности и подавление сложного, беспорядка, традиции, двусмысленности, интерпретации, удовольствия, игры, прекрасного, возвышенного, безобразного.

Итак, основные критикуемые признаки прогрессистского подхода в архитектуре:

- анонимно-универсальный характер (отсутствие идентичности, тайны, подавление всех неопределенностей);

- репрессирование необходимого противоположного полюса (всех возможных экспликат спонтанности – тела, бесполезного, женского, игрового, бессознательного и т. д.), что привело к монологическому взгляду на вещи, идеологизации знания;

- дегуманизация общества (вытеснение человека и всего человеческого, вытеснение глубинных и субъективных значений, ценностей) посредством переноса методов технического прогресса на всю гуманитарную сферу. Мир рассматривается независимо от контекста и наблюдателя.

Поэтому последовательными задачами современной культуры и архитектурного дискурса в частности, которые, возможно, позволили бы цивилизации обнаружить новые пути выживания, являются:

1) реабилитация репрессированных экспликат категории «спонтанность» (тела, Другого, женского, бессознательного, удовольствия, гротеска, игры, нелинейности, нелокальности, природы, странного, традиционного, вернакуляра, неопределенности, повседневности, временного, маргинального, дионисийского, смутного, рискованного, субъективного, относительного, двусмысленного, т. е. всего «слишком человеческого») с помощью кардинально новых подходов, некоторые из которых предлагаются современными естественными науками (квантовая физика, теория хаоса и пр.), а часть не является строго обоснованными как в пределах точных наук (теория бутстрапа), так и за их пределами (постмодернистская философия, психоанализ, Гештальт-психология, традиционная философская мистика Востока и пр.);

2) снятие напряжения внутри оппозиции через разрешение их противостояния. Для решения второй задачи в современной культуре предложено несколько стратегий: 1) динамическое равновесие внутри оппозиции, т. е. способность увидеть в каждой категории зреющую в ней противоположность (бинарное сознание как одновременное мышление противоположными категориями); 2) снятие противостояния через поиск Третьего значения, т. е. выход из бинарного описания ситуаций и объектов в

иную плоскость восприятия, 3) разыгрывание оппозиционного противостояния как одного из возможных состояний, когда событийный поток рассматривается как поле, в котором играющий ум выделяет то одни, то другие паттерны.

Гипотеза спонтанности в проектном методе

Представляется необходимым ввести категорию спонтанности в проектный метод и сформулировать ее в качестве случайности, увиденной как ценность. По мнению В.В. Налимова, известного ученого и философа, занимающегося спонтанностью: «Мир и мы, заключенные в нем, – это не более чем воля к ценностям» [12]. Спонтанность как проектный фактор становится инструментом, обнаруживающим в ординарном новое знание, превращающим помехи в диалоговые опции процесса.

Спонтанность в качестве составляющей проектного метода могла бы позволить:

– создать трещину (сомнение, подметить не совпадение ожидаемого и действительного) в привычном знании;

– рассмотреть непредвиденные факторы проектной ситуации и даже ограничения (одушевленные и неодушевленные) как диалоговые опции, как равноправных партнеров по диалогу (ситуация и есть автор);

СХЕМА ВЛИЯНИЯ ПРОГРЕССИСТСКОГО ПОДХОДА НА АРХИТЕКТУРУ, ФОРМИРОВАНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ И НАПРАВЛЕНИЙ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Рисунок 2. Признаки прогрессистского подхода в архитектуре

– увидеть ординарное (шум, мусор, помехи) как необыкновенное, найти в повседневном материале для создания проектной ценности;

– заставить «маленького автора» уступить сцену «большому Автору» (уход от субъективности);

– что, в конечном итоге, привело бы к обретению не только нового знания (информации),

но и новых ценностей (например, идентичности, естественности или так ценимой Эйзенманом неопределенности), позволило бы экономично расширить возможности авторского сознания, авторской методологии, уподобляя ее голографической, нелинейной структуре реальности [13].

06.02.2015

Список литературы:

- 1 Хаар, К. Постмодернизм / К. Хаар. – Москва: ФАИР-ПРЕСС. – 2006. – 272 с.
- 2 Гуревич, П.С. Эстетика: учебник для студентов высших учебных заведений / П.С. Гуревич. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА. – 2006. – 303 с.
- 3 Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – Санкт-Петербург: Алетейя. – 2000. – 347 с.
- 4 История и философия науки: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. С. А. Лебедева. – Москва: Академ. Проект. Альма Матер. – 2007. – 608 с.
- 5 Эпштейн, Э. Философия возможного / Э. Эпштейн. – Санкт-Петербург: Алетейя. – 2001. – 334 с.
- 6 Добрицина, И.А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки / И.А. Добрицина. – Москва: Прогресс-Традиция. – 2004. – 416 с.
- 7 Тарасов, Ю.Н. Философия науки: общие проблемы / Ю.Н. Тарасов. – Воронеж: ВИВТ. – 2008. – 212 с.
- 8 Уилбер, К. Краткая история всего / К. Уилбер. – Москва: АСТ : Астрель. – 2006. – 476 с.
- 9 Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: У-Фактория. – 2006. – 200 с.
10. Егоров, В.С. Философия открытого мира / В.С. Егоров. – Москва: Моск. психол.-социальн. ин-т; Воронеж: МОДЭК. – 2002. – 320 с.
- 11 Theorising a new agenda for architecture. An anthology of architectural theory 1965-19995 / Kate Nesbitt, editor. – NY: Princenton architectural press. – 1996. 606 p.
- 12 Золотухина-Аболина, Е.В. В.В. Налимов. – Москва: МарТ; Ростов-на-Дону: МарТ. – 2005. – 128 с.
- 13 Талбот, М. Голографическая вселенная / М. Талбот. – Москва: София. – 2004. – 368 с.

Сведения об авторе:

Репина Евгения Александровна, доцент кафедры инновационного проектирования факультета дизайна Самарского государственного архитектурно-строительного университета, кандидат архитектуры
443001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194, ауд. 0607,
тел.: (846) 340 02 31, e-mail: jeniarepina@mail.ru